

В сравнении с подобной характеристикой суровое суждение Сэйса о первом греческом историке покажется мягким упреком, а заглавие статьи Ф. Г. Мищенко «Не в меру строгий суд над Геродотом», справедливо и умно опровергающей взгляды англичанина, окажется вполне подходящим для суждения о работе С. Я. Лурье.

Автор создал искаженный образ «отца истории» Геродота и несправедливо очернил первый исторический труд.

По своим методологическим установкам книга является не марксистской и не может быть рекомендована широкому кругу читателей.

И. С. Кацнельсон

Проф. С. Ф. КЕЧЕКЬЯН, Учение Аристотеля о государстве и праве. Изд. АН СССР, М. — Л., 1947, 220 стр.

Важная и интересная тема развития древней науки, связанная с общей проблемой истории идеологии, в последнее время неоднократно привлекала внимание советских историков и философов (Лурье, История античной науки, 1947, е г о ж е, Геродот, 1947; М а к о в е л ь с к и й, Греческие атомы, 1946; А л е к с а н д р о в, Аристотель, 1940 и др.).

Этой же теме посвящена вышедшая в 1947 г. монография проф. Кечекьяна «Учение Аристотеля о государстве и праве». В книге, состоящей из введения, 11 глав и заключения, автор ставит следующие вопросы: судьба аристотелевой «Политики», ее подлинность, пробел и порядок книг (стр. 9—22); социальнополитическая характеристика Афин времени Аристотеля (стр. 23—36); сопоставление философских и общественных взглядов Платона и Аристотеля (стр. 37—62); особенности античной собственности, воззрения Аристотеля на собственность и его защита рабства (стр. 63—80); учение о сущности государства и права, о преступлении и наказании (стр. 81—102); теория Аристотеля о формах государственного строя и государственных переворотах (стр. 103—121); защита Аристотелем «среднего» класса и «среднего» государственного строя; учение о справедливости и дружбе (стр. 122—140); отношение Аристотеля к афинской демократии, Спарте и македонской монархии (стр. 141—202); изображение «наилучшего» государства у Аристотеля (стр. 203—217).

Задача, поставленная проф. Кечекьяном, — проанализировать теорию государства и права у Аристотеля, приобретает в настоящее время особую актуальность.

Подобное исследование советского ученого, основанное на базе марксистско-ленинской методологии, должно противостоять обширной буржуазной литературе, которая, как известно, тенденциозно искажает учение Аристотеля и значительно его фальсифицирует. Буржуазные модернизаторы находят в учении Аристотеля о государстве аналогии с политическими принципами современного капиталистического строя, пытаются оправдать и доказать извечность их существования.

В своем введении проф. Кечекьян правильно устанавливает, что философские теории Аристотеля «были поставлены в середине века полностью на службу христианскому богословию, его рассуждения о собственности и рабстве получили широкое использование в попытках оправдания феодальных отношений и крепостничества, а его учение о формах правления находило свое признание в самых различных общественных и политических условиях. Буржуазные политики и историки, за редкими исключениями, сохранили этот антиисторический подход к учению Аристотеля, изучая его абстрактно, как некую универсальную систему понятий, как бы сохраняющих одинаковый смысл и одинаковое значение для всех времен и для всех народов» (стр. 4—5).

Проф. Кечекьян совершенно правильно намечает иной, противоположный этой фальсификации путь изучения Аристотеля — как теоретика греческого рабовладельческого полиса, «как выразителя интересов рабовладельческого класса, и притом определенных групп этого класса» (стр. 8). Сущность учения Аристотеля и задачу своего исследования автор формулирует следующим образом: «Политическая теория Аристотеля есть учение о динамике и о формах (морфология) греческого рабовладельческого госу-

дарства. Осветить политическое учение Аристотеля с этой стороны составляет задачу настоящего исследования» (стр. 8).

Попробуем рассмотреть, как разрешил автор поставленную им задачу.

Проф. Кечекийн считает, что в основу учения о государстве, как и в основу своего философского учения, Аристотель ставит учение о форме.

Исследуя последнее, автор приходит к следующему выводу: «Форма, по Аристотелю, таким образом, есть сущность вещи, вернее—сущностное в вещи. Поэтому «формальное» означает для Аристотеля сущностное, существующее в действительности. Поэтому «формальная» логика Аристотеля есть столько же учение о формах мышления, сколько и учение о формах реальности. Таково же значение формы в его «Политике», которая в существенной своей части есть учение о формах государства. Неудивительно, что в «Политике» Аристотель придает столь большое значение различию форм. Ведь форма—это и есть то, что образует вещь. Поэтому классифицировать и познавать формы—это и значит познавать сущность вещей. Всякая наука получает значение морфологии действительности» (стр. 48). «Вся политика Аристотеля есть не что иное, как учение о формах государства» (стр. 107). «Аристотель придает форме государства значение определяющего начала и строит свое учение о государстве как учение о его формах» (стр. 109).

Свой анализ социально-политической теории Аристотеля проф. Кечекийн основывает на анализе особенностей античной собственности. Ссылаясь на такие явления как раздачи Кимона и Августа (стр. 69), сисситии на Крите и подкуп избирателей в Риме (стр. 69—71) и др., автор заключает о «печати некоторой коллективности, лежащей на античной частной собственности» (стр. 65). Эта особенность, которая объясняет, по мнению проф. Кечекийна, социально-политические отношения в Афинах IV в. является результатом «солидарности свободных перед лицом рабов» (стр. 71). У Аристотеля автор также находит представление о собственности «как бы несущей на себе пути коллективности» (стр. 74). «Итак, частная собственность должна быть сохранена, но это должна быть—в духе античности собственность, претерпевающая ограничения, делающая уступки в интересах всего коллектива свободных, уступки в пользу неимущих масс...» (стр. 74). Это представление определило, по мнению автора, политическую программу Аристотеля: «Подобно другим идеологам рабовладельческого класса, он считает необходимым обеспечить солидарность свободных перед лицом рабов. Дружба (*φιλία*) объявляется поэтому основной политической добродетелью. Богатые должны делиться с бедными частью своих доходов» (стр. 71). Проф. Кечекийн признает противоречие между рабами и свободными; однако основное проявление этого классового противоречия в Афинах IV в. состоит, по его мнению, в растущем имущественном неравенстве в среде свободных, в классовой борьбе богатых и бедных.

Рассматривая расхождение Платона и Аристотеля в их политических учениях, автор считает, что «Аристотель естественно примыкал к той политической программе, которая отвечала интересам средних кругов афинского общества», в то время как Платон столь же естественно оказался в рядах сторонников реакционной знати (стр. 50).

Такова в самых кратких чертах концепция проф. Кечекийна.

Автор анализирует понятия Аристотеля о государстве, праве, гражданстве и др., справедливо подчеркивая их классовую ограниченность, однако в его изложении подчас отсутствует подлинная историческая оценка взглядов Аристотеля. Тот факт, что учение Аристотеля представляет собой апологию рабовладельческого государства, не умаляет выдающегося значения Аристотеля в развитии античной науки. Проф. Кечекийн должен был показать Аристотеля «величайшим мыслителем древности», «гением», «исполином мысли», по выражению Маркса, а не ограничиться указанием в своем введении на эти высказывания основоположников марксизма. Автор приводит прекрасные слова Ленина о том, что Аристотель «всюду на каждом шагу ставит вопрос именно о диалектике» (стр. 4), но, к сожалению, свое исследование учения Аристотеля он строит совсем не в этом плане. Автор показал связь учения Аристотеля о государстве с его основными общефилософскими понятиями и теориями, но, как свидетельствует уже самое оглавление книги, проф. Кечекийн углубился главным образом в изучение

одних только форм государственного строя у Аристотеля и уделил недостаточно внимания его учению о динамике. Вопрос о смене форм государственного строя и причинах этой смены по Аристотелю автор рассматривает сравнительно бегло (лишь в гл. VI, 4, 5). Характерно для точки зрения автора, что в заключении (стр. 218 сл.) дается резюме, которое названо: «Учение Аристотеля как морфология рабовладельческого государства» (стр. 219). Автор, таким образом, в значительной мере отшелся от более широкой задачи, поставленной им во введении, и свел, в конце концов, все учение Аристотеля о государстве и праве только к учению о формах. Сведя учение Аристотеля почти исключительно к «морфологии», проф. Кечекьян упустил главное—именно вопрос о диалектике у Аристотеля и таким образом не выявил в его учении основного рационального зерна. Автор правильно подчеркивает, что «Аристотель обнаруживает в своей философии две различные тенденции: материалистическую, демокритовскую линию, с одной стороны, и непреодоленную идеалистическую, платоновскую, линию—с другой» (стр. 44). Однако в дальнейшем исследовании, построенном главным образом описательно, эта мысль автора теряется и в отдельных случаях не всегда можно установить философскую позицию Аристотеля.

Эту позицию проф. Кечекьян не раз определяет как «здоровый реализм». Идеализму Платона проф. Кечекьян постоянно противопоставляет «здоровый реализм» Аристотеля (стр. 48, 95, 218, 220), вводя, таким образом, новое философское понятие, нечто среднее между идеализмом и материализмом. Но ведь несомненно, что острая социально-политическая борьба, а вовсе не какие-то философские «реалистические» принципы диктовали Аристотелю задачу исследовать многообразную общественную жизнь греческого мира. Проф. Кечекьян больше излагает учение Аристотеля о государстве, чем анализирует его; притом «Политика» изучается им в статике, как и все мировоззрение Аристотеля.

Автор устанавливает несомненно идеалистический подход Аристотеля в вопросе об отношении формы и материи, когда говорит, что у Аристотеля «форма имеет примат над материей» (стр. 46), что форма государства имела для Аристотеля значение определяющего начала (стр. 109), что учение Аристотеля о государстве—это учение о формах (стр. 109). Однако в изложении проф. Кечекьяна формализм Аристотеля выглядит значительно глубже и последовательнее, чем это было в действительности. Автор должен был вскрыть и показать непоследовательность этого формализма у Аристотеля, внутреннюю противоречивость учения Аристотеля и с этой стороны рассмотреть его «Политику».

«Политика» Аристотеля—основной источник проф. Кечекьяна—не разобрана им всесторонне. Необходимо показать многочисленные внутренние противоречия «Политики», непоследовательность политических взглядов Аристотеля, контрастные тенденции его теории, представить взгляды Аристотеля в их развитии. Автор же ограничился главным образом рассмотрением различных версий комментаторов «Политики», о состоянии «Политики», ее пробелах, возможности перестановки книг и т. д., сведя таким образом исследование своего источника к формальному разбору его пробелов и литературных недочетов.

В монографии проф. Кечекьяна встает вопрос о социально-политических позициях Аристотеля. Значительные, но противоречивые материалы, которые представляет «Политика» для его решения, сводятся к двум видам: это, во-первых, требующие расшифровки теоретические построения Аристотеля; во-вторых, критические замечания Аристотеля о реальных государствах и событиях. Эти материалы проф. Кечекьян привлекает для обрисовки взглядов Аристотеля на фоне социально-политической характеристики Греции IV в.

Две политические партии, по мнению автора, боролись в Афинах времен Аристотеля: демократическая и олигархическая. Первая, отвечавшая интересам «городских (торговых и промышленных) кругов» (стр. 157), отстаивала возможно большую солидарность всех свободных перед лицом рабов и пыталась смягчить уступками и раздачами недовольство свободной бедноты. Вторая, олигархическая партия—«военной диктатуры», выражала стремления землевладельческой знати. Позиция Аристотеля в этой

борьбе изображена автором в общем правильно, как компромисс, в котором вражда к замыслам реакционеров сочеталась с критикой «крайностей» афинской демократии, и стремлением «вернуться к умеренной цензовой «конституции отцов», к конституции времен Солона, к «среднему» государственному строю с господством в нем «среднего класса» (стр. 36). Вопрос о том, кого разумел Аристотель под этим «средним» классом, проф. Кечекьян в разных местах книги решает по-разному. Это—то «средние» городские круги (стр. 127), то «земледельческий класс» (стр. 128), то «средний», зажиточный класс» (стр. 125—126), то «зажиточное крестьянство» (стр. 128).

Приведенные суждения проф. Кечекьяна кажутся нам в некоторых отношениях ошибочными и противоречивыми, а терминология—неопределенной.

Автор свободно и постоянно оперирует такими понятиями, как: «имущая верхушка афинского общества» (стр. 35), «средние городские круги» (стр. 127), «неимущий класс населения» (стр. 33), «умеренные городские круги» (стр. 36), «банкиры» (стр. 28), «промышленные товарищества» (стр. 70) и др. Вся эта терминология не имеет ничего общего с марксистско-ленинским учением о государстве и классах. Она полностью заимствована автором из арсенала буржуазной историографии, использующей особенно широко и охотно неопределенное понятие «среднего класса» («middle class»). Проф. Кечекьян должен был подвергнуть критике эту буржуазную терминологию, а не следовать ей. В его работе необходима была особенная четкость в терминологии, характеризующей социальные отношения в Афинах.

Не учитывая в достаточной мере основного проявления антагонизма между рабами и свободными и трактуя преимущественно о борьбе богатых и бедных, автор лишает четкой классовой характеристики социальную борьбу в Греции IV в. Этот методологический порок привел автора к недооценке важнейшей части «Политики» Аристотеля—теории рабства, разбору которой проф. Кечекьян посвятил всего лишь 6 из 220 страниц своей книги. Нельзя согласиться с проф. Кечекьяном, когда он констатирует у Аристотеля «смутное угадывание классовой сущности государства» (стр. 109). Наоборот, Аристотель—теоретик античного рабовладельческого государства, формулирующий свои взгляды с предельной ясностью и полной открытостью эксплуататора-рабовладельца, для которого раб—только «одушевленный инструмент».

Серьезные возражения вызывает трактовка проф. Кечекьяном важнейшего вопроса о характере античной собственности. Автором не учтены в полной мере ведущие указания классиков марксизма-ленинизма по этому вопросу. Проф. Кечекьян не использовал опубликованной еще в 1939 г. работы Маркса «Формы, предшествующие капиталистическому производству», без привлечения принципиальных установок которой невозможны правильный анализ и критика теории Аристотеля, его взглядов на собственность. Цитатой, вырванной из общего контекста «Немецкой идеологии» (стр. 66), проф. Кечекьян пытается подкрепить тезис о коллективном характере античной собственности, построенный на весьма шатком основании фактов, объединенных внешним сходством. Проф. Кечекьян не уделяет достаточно внимания процессу развития, изменения собственности, который неоднократно подчеркивался Марксом («частное право развивается параллельно с частной собственностью из процесса разложения естественно развившейся коллективности»¹). Единая «печать некоторой коллективности» лежит, согласно проф. Кечекьяну, и на спартанском рабовладении и на раздачах Цезаря. Проф. Кечекьян ищет доказательств своей мысли у буржуазных исследователей: Кролля, Гирцеля, Пельмана, взгляды которых он использует очень охотно и некритически (напр., стр. 69—70). Факты, которыми оперирует проф. Кечекьян по Пельману, как свидетельством о «коллективности» античной собственности, самим Пельманом рассматриваются как доказательство существования «социализма» в древности.

¹ Маркс и Энгельс, Немецкая идеология, Партиздат, М., 1933, стр. 53.

К более мелким недостаткам книги следует отнести несколько одностороннее изображение упадка Греции IV в. (гл. II), игнорирующее подъем отдельных отраслей экономики, расширение торговли в IV в. и, наконец, социально-политическое развитие областей средней Греции. Некоторым формализмом страдает описание институтов древней Спарты. Необходимо было больше учесть момент исторического развития отдельных институтов, а также характер и степень достоверности источников различной ценности (Плутарх, Фукидид, Ксенофонт, Геродот (стр. 174—176)). Недостаточно внимания обращено на современные Аристотелю политические теории, сравнения проводятся лишь с Платоном, остальные упоминаются большей частью в примечаниях.

Исследование проф. Кечекьяна представляет большой интерес. Автор хорошо знает свой источник, его не удовлетворяют русские переводы Аристотеля, сделанные акад. С. А. Жебелевым и Э. Л. Радловым, он частично изменяет их в своей работе (стр. 22). Автор правильно ставит задачу исследования и в дальнейшем изложении рассматривает основные вопросы, связанные с учением Аристотеля о государстве. Однако приемы изучения материала и отдельные положения, высказанные автором, вызывают возражения.

Большим и серьезным недостатком книги является отсутствие в ней подлинно критического отношения к буржуазной литературе. Вместо необходимого обстоятельного критического разбора буржуазных концепций по этому вопросу автор ограничился поверхностным обзором некоторых работ.

В книге проф. Кечекьяна постоянны ссылки на резко тенденциозных, часто реакционных западноевропейских авторов: Пельмана, Белоха, Рема, Виндельбанда и многих других. Многочисленные некритические ссылки на работы этих авторов никак не связаны с теми немногими общими замечаниями, которые мы находим в его введении. Без всяких оговорок проф. Кечекьян предлагает обратиться к пельмановской трактовке таких понятий у Аристотеля, как «справедливость» (стр. 132), «равенство в идеальном государстве» (стр. 210), «предел населения» (стр. 212) и др., хотя автору должно быть известно, что эти вопросы рассматриваются Пельманом в свете его реакционно-идеалистической, модернизаторской концепции, давно разоблаченной советскими исследователями.

Автор не только не дает критического разбора буржуазных работ, но и сам заимствует из них многие из своих положений и даже терминологию. Характерно, например, что недооценка автором основного классового противоречия и классовой борьбы между рабами и рабовладельцами явилась результатом постоянных ссылок автора на описания IV в. у Пельмана и Белоха, историков-модернизаторов, подразумевающих под классовым антагонизмом в Греции этого периода антагонизм между капиталистами и пролетариями. Автор настолько доверяет Пельману, Рему и другим буржуазным «теоретикам», что в ряде случаев прибегает к цитированию источника по буржуазным работам. Например, на стр. 70 автор пишет: «Плутарх рассказывает, что Демад добился возможности на одном из праздников преподнести каждому из граждан 50 драхм», смотрим сноску автора, там указано «Пельман, Указ. соч., стр. 423». Таким образом, проф. Кечекьян даже Плутарха цитирует по Пельману!

Автор обходит молчанием работы советских историков по социальной борьбе в древней Греции, в которых сделаны попытки марксистского изучения этих вопросов. Русская литература вообще привлекается автором очень мало. Метод ее использования ярко характеризуется ссылкой автора на стр. 59, где без всяких комментариев и каких-либо оговорок поставлены рядом работы Мишулина, Волгина и Гильдебранда, Пельмана и Трубецкого.

Наконец, непонятно, как мог проф. Кечекьян пройти мимо работы Александрова, вызвавшей широкую философскую дискуссию. Не останавливается он и на монографии Александрова об Аристотеле, критический разбор которой, несомненно, помог бы автору правильнее разобраться в поднятых им проблемах.

Автор далек от претворения в своей научной работе положений, выдвинутых т. Ждановым на философской дискуссии.

Существенные методологические ошибки, некритическое использование буржуазной литературы, недостаточно широкое и углубленное изучение ряда вопросов помешали автору разрешить поставленную им проблему—дать подлинно марксистское исследование теории Аристотеля о государстве и праве.

М. Узунова

А. А. ИЕССЕН, Греческая колонизация Северного Причерноморья.
Изд. Гос. Эрмитажа, Л., 1947, стр. 1—92+4 карты, ц. 9 р.

I

Вопросы, связанные с греческой колонизацией Северного Причерноморья, изучаются исторической наукой уже более 150 лет. При этом ведущая роль принадлежит здесь русским исследователям. Особый успех достигнут в этом деле советскими учеными, последовательно применившими марксистско-ленинский анализ к изучению источников по истории колоний и местных племен. Крайне расширился самый круг источников. Наряду с письменными памятниками, тщательному историческому анализу подверглись и вещественные, археологические памятники, игравшие в прошлом, в трудах даже наиболее крупных исследователей Причерноморья, второстепенную, иллюстративную роль.

Рецензируемая книга в известной мере является итогом всей работы, проделанной советскими историками и археологами. Автором внимательно анализируются сношения племен Северного Причерноморья с югом в III и в начале II тысячелетия до н. э., во II тысячелетии до н. э. и в начале I тысячелетия до н. э. Особо выделяется рассмотрение событий VII в. в истории причерноморских племен, сношения Причерноморья со странами юго-востока в VII—VI вв. и с греками в VII в. до н. э. Возникновение постоянных греческих поселений в Северном Причерноморье в VI в. рассматривается в тесном соотношении с теми изменениями, которые произошли в туземной среде, а после этого прослеживаются те изменения, которые внесли новые условия в греко-скифские отношения. С этой целью специальная глава посвящается автором импорту греческих изделий в причерноморские степи в VI в., выясняются основы расширения греческой колонизации в V в. и определяются ее последствия в V в., когда «по мере замены доколониальной торговли греческих купцов и мореходов постоянной торговой и производственной деятельностью греческих городов-колоний связи с греками получают все больший перевес над связями с юго-востоком» (стр. 90).

Основной вывод А. А. Иессена заключается в том, что нельзя рассматривать процесс греческой колонизации односторонне, только со стороны внутренних событий метрополии. Равную роль играли события из истории местного северно-причерноморского населения, определявшие время и географическое распространение колониационных процессов (стр. 81, 90).

Отстаивая такой вывод, автор, естественно, должен был проанализировать историю развития местного населения областей северного, северо-западного и северо-восточного Причерноморья и Приазовья. Эта задача была им выполнена с большой обстоятельностью и хронологической углубленностью. А. А. Иессен начинает свое повествование с III тысячелетия до н. э.

Целью этого многотысячелетнего экскурса является показ истории сношений древних племен Черноморья с южными центрами и выяснение результата этих сношений. Автор считает, что уже издавна можно говорить о двух направлениях связей племен Северного Причерноморья—кавказском и восточнобалканском. В результате первого направления связей складывается группа культур высокоразвитой бронзовой индустрии Северного Кавказа и Закавказья конца II—начала I тысячеле-